

решения данной задачи полезными не только для историков, обществоведов в целом, но и для ныне действующих политиков.

Именно им современные исследователи общественной мысли и многовековой социальной практики нашей страны адресуют свои, основанные на конкретных исследованиях, выводы о том, что «для "мира миров", каким и является Россия, необходима именно синтетическая общенациональная модель социального развития, учитывающая совокупность исторических особенностей и традиций. Разработать и принять такую модель может лишь само общество»¹.

Найти, «выстрадать» свое, оптимальное именно для России (в этом основная трудность!) сочетание в такой интегральной модели начал либерализма, консерватизма и социализма различных оттенков (что в той или иной мере уже удалось сделать «продвинутым» странам от А до Я: от Англии до Японии включительно) – в этом сегодня и состоит «вопрос вопросов» в поиске нашей страной своего места в мире и пути в будущее.

А.Н. Медушевский¹

ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ²

С позиций когнитивной теории права актуально изучение модели конституционных решений конца XX в.: от какой модели отталкивались разработчики конституции; что предлагалось сделать изначально, но было отвергнуто; какая модель в итоге была принята и почему; как соответствующие конституционные принципы трансформировались под воздействием практики³. Проблематика трансформирующегося конституционализма получила подробное отражение в трудах классиков российского конституционализма – С.А. Муромцева, Л.И. Петражицкого, Ф.Ф. Кокошкина, В.М. Гессена, М.И. Острогорского и др.⁴, рассматривавших сходные проблемы в ходе разработки конституционных проектов начала XX в.⁵ Основные источники, отражающие становление современного российско-го конституционализма, опубликованные в настоящее время, – материалы Дебатов Конституционной Комиссии⁶, Конституционного Собрания⁷, а также современных исследований⁸, – позволяют осуществить реконструкцию альтернативных интерпретаций основных конституционных принципов – справедливости и равенства, правового государства и демократии, федерализма и бикамера-

Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, ординарный профессор кафедры теории политики и политического анализа Национального Исследовательского Университета Высшая Школа Экономики (НИУ-ВШЭ). В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0038, реализованного в рамках Программы «Научный фонд МДУ» в 2012-2013 гг.»

Медушевский А.Н. Когнитивная теория права и юридическое конструирование решений // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 (84). С. 30-42. Муромцев С.А. Избранные труды. М., 2010; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М., 2010; Кокошкин Ф.Ф. Избранное. М., 2010; Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 2010. О конституционных проектах в России XVIII-XX вв. М., 2010. История создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия. Стенограммы, материалы, документы (1990-1993 гг.): В 6 т. М., 2007-2008. Конституционное совещание: Стенограммы. Материалы. Документы. В 20 т. М., 1995-1996.

Материалы проекта: «Двадцать лет демократического пути: укрепление конституционного порядка в современной России». М., 2012.

¹ Модели общественного переустройства России: XX век... С. 565.

лизма, разделения властей и формы правления, способов изменения конституции, которые были отвергнуты или существенно модифицированы в ходе окончательного принятия Конституции 1993 г., но возрождаются в виде современных поправок к ней. Важно выявить мотивацию принятых решений и смысл последующих изменений в общем контексте развития российской политической системы.

Определение новых конституционных ценностей

Отправной точкой формирования новых ценностей стало стремление уйти от советской модели номинального конституционализма, характеризовавшейся приоритетом идеологии над правом; господством коллективистских социальных норм и отказом от либеральных традиций западного конституционализма в конституировании однопартийной политической системы.

Кризис коммунистической идеологии остро поставил вопрос о соотношении идеологии и права, вообще целесообразности закрепления в Конституции какой-либо идеологии в качестве государственной. Предполагалось, что текст Конституции «не должен быть идеологизирован», устанавливать определенную идеологию «в качестве официальной государственной идеологии», выражать идею обосновывающие «устремления только каких-то определенных политических сил»¹. Мотив деидеологизации «не вызвал возражений у большей части разработчиков, согласившихся, что «Конституция не должна быть идеологическим документом»². Принципиально против были коммунисты, утверждавшие, что отказ от идеологии означает отрицание «социалистического выбора», восстановление капиталистической «эксплуатации» и борьбу с Советами как формой «представительной власти»³. С этим не спорили их либеральные противники: «Действительно, — подчеркивали они, — провозглашение Конституции хоронит и Советскую власть, и социализм» — то, что «самом деле достойно гибели»⁴. Данный спор завершился отказом от закрепления идеологии в Конституции, что, однако, не мешало

¹ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия (Далее — КК). Т. 1. С. 128.

² КК. Т. 1. С. 104, 171.

³ КК. Т. 1. С. 199, 415-416; Т. 2. С. 1012; Т. 3. Ч. 1. С. 153, 227.

⁴ КК. Т. 1. С. 363, 369, 371.

консерваторам отстаивать конституционное закрепление новой государственной идеологии.

Другим направлением дебатов стала концепция социальной справедливости, в частности, противоречие принципов социального государства и рыночной экономики. Спор охватывал такие общие вопросы как справедливость, социальное государство, социальные права. В соответствии с традициями номинального советского конституционализма принцип социального государства получал расширительную интерпретацию, включая сохранение социальных прав — на труд, жилье, охрану здоровья, отпуск, причем независимо от возможности государства реализовать их. Сторонники широкой трактовки социальных прав выдвигали тезис о «социально справедливом государстве», заявляя, что «утверждение капитализма не будет принято нашим обществом», а в случае включения в Конституцию принципа рыночной экономики люди «могут не поддерживать ее»¹. Минималистский подход, напротив, подчеркивал, что социальные и экономические права «вообще не должны быть отграничены в Конституции», поскольку «строго говоря, они не относятся к правам личности» и «бессмысленно помещать в Конституцию общеправовые Декларации, которые не могут быть реализованы»². Они ведут к социальному иждивенчеству и патерналистскому государству³. В итоге, «вечными нормами» Конституции одни признавали принцип социального государства, другие — защиты частной собственности⁴. В порядке компромисса выдвигались различные паллиативы — смешанная экономика, «социальное рыночное хозяйство», идея равноправия всех видов собственности» и т.д.⁵. Принятие положений о социальном государстве, социальных функциях собственности и сопутствующих ей обязательствах⁶ — не сняло различия интерпретаций, в том числе предложенных Конституционным Судом РФ.

Третьим параметром этой дискуссии о ценностях являлось противоположное отношение к заимствованиям европейских норм о

¹ КК. Т. 1. С. 214, 311, 405; Т. 3. Ч. 1. С. 376-377.

² КК. Т. 1. С. 139.

³ КК. Т. 3. Ч. 1. С. 220, 330-331, 383-385.

⁴ КК. Т. 1. С. 110, 137.

⁵ КК. Т. 1. С. 135, 191-192, 321; Т. 3. Ч. 1. С. 220, 387-389.

⁶ КК. Т. 3. Ч. 2. С. 398.

правах человека со стороны западников и почвенников. Выражением западных воззрений стала выдвинутая председателем Конституционной комиссии Б.Н. Ельциным идея принятия в качестве основы конституционного строительства концепции «общественного договора» «между личностью, гражданским обществом и государственной властью»¹. Крайним выражением западной конституционной позиции можно считать предложение об отказе от разработки оригинального проекта — переводе на русский язык и принятии в качестве национальной российской — Конституции США, или осуществлении комбинирования различных западных конституций, введение положения о приоритете ратифицированных международных договоров над национальным правом. Умеренная позиция выдвигала соединение западных и российских форм в качестве «юридической платформы цивилизованного патриотизма»². Консерваторы, напротив, настаивали на сохранении традиций, определяя представленный проект как кентавра — «с головой Джефферсона, туловищем римского Пегаса и с хвостом, даже не с хвостом, а с копытами российских монстров»³. Отсутствие согласия в отношении концепции прав человека проявилось в отношении к смертной казни⁴.

Национально-государственное устройство: принцип федерализма и структура законодательной власти

Вертикальное разделение властей предполагало новую трактовку принципа федерализма, связанную с отказом от прежних представлений о национально-государственном строительстве. Суть принципа усматривалась разработчиками в трех параметрах: во-первых, обеспечении единства РФ; во-вторых, децентрализации государственной власти; в-третьих, реализации права народов на самоопределение. Первую цель предполагалось достичь установлением приоритета гражданских прав, независимо от национальности, созданием укрупненных регионов (получивших название «зе-

¹ Стенограмма пленарного заседания Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР от 12 октября 1990 // КК. Т. 1. С. 279.

² КК. Т. 3. Ч. 1. С. 251.

³ Там же. С. 242, 257.

⁴ Там же. С. 366-370.

мель», статус которых приравнивался к национальным республикам), пересмотром с этих позиций национально-государственных диспропорций советского периода (когда различные нации получили неодинаковый правовой статус в рамках республик и входящих в них автономий). Однако этого «выравнивания» статуса национальных и региональных субъектов (земель) не удалось достичь из-за сопротивления национальных республик¹. Вторая цель, децентрализация, — предполагала разделение власти по вертикали — федеральный уровень РФ; уровень ее членов — республик и земель (в которые хотели объединить край, области, автономные области, автономные округа), и уровень местного самоуправления — самоуправляющихся территориальных коллективов (общностей) или мелких административно-территориальными единицами². Третья цель — самоопределение народов — ограничивалась рамками принципа федерализма и единства государственного суверенитета (исключавшего советский принцип «права на отделение»). «Это, — подчеркнул Ельцин, — федеративное, а не конфедеративное государство, не сообщество и не союз»³. Исходя из этого, по мнению разработчиков, федеративный договор — не условие Конституции, а основа разграничения полномочий центра и национальных регионов, выдвигающих претензии к центру, «с которыми невозможно согласиться»⁴. В целом это был поиск компромисса между крайними тенденциями к унитаризму и предельной автономизации вплоть до создания республик, «обладающих абсолютным суверенитетом государств в составе РСФСР»⁵. Российский парламент (Верховный совет) предполагалось разделить на две палаты — нижнюю (получившую название Государственной Думы) и верхнюю (Федеральный Совет), отношения между которыми строились в перспективе создания федеративного государства, причем верхнюю палату предполагалось формировать по смешанной системе (избрание части

КК. Т. 1. С. 147; Т. 2. С. 417; Т. 3. Ч. 1. С. 197.

КК. Т. 2. С. 330, 417.

КК. Т. 1. С. 282.

С. 615.

КК. Т. 2. С. 380; Т. 3. Ч. 1. С. 339.

Полонительная записка к проекту Конституции РФ от 11 октября 1991 г. // КК. Т. 2.

членов нижней палатой, части — субъектами и назначение части — президентом)¹.

Конструирование нового институционального дизайна: форма правления и принцип разделения властей

Отправной точкой дебатов по проблеме в России, как и других странах Восточной Европы, следует признать опасение возврата к диктатуре и поиск сдержек и противовесов против этого. Вопрос о форме правления вызвал наиболее острые споры в связи с развитием конфликта Съезда и Президента². Коммунисты и их сторонники придерживались установки сохранить идею и структуру Республики Советов³, остановить «похороны советской системы» и «разрушение не только советской социалистической государственности, но и государственности России, которая была унаследована нами после Октября 1917 года»⁴. Верховный Совет, отстаивавший роль «парламента» в отношении других ветвей власти, генетически и практически оказывался внимателен к аргументу о «всевластии Советов», «ностальгия по которому чувствовалась в некоторых поправках»⁵.

Принцип разделения властей, поэтому, принимался с большим трудом. Комиссией было предложено Съезду две схемы высших органов государственной власти. Вариант «А» — «Ответственное перед парламентом правительство» и вариант «Б» — «Президентская республика». Суть различия заключалась в том, является ли президент только главой государства или также главой исполнительной власти: «Существует ли самостоятельное правительство? Правительство, ответственное перед парламентом? Кабинет министров (совет министров) и возглавляющий его глава, председатель совета министров. Либо сам президент возглавляет исполнительную власть, в которую входит администрация, входит и кабинет ми-

¹ КК. Т. 1. С. 153; Т. 2. С. 406, 887; Т. 3. Ч. 1. С. 619.

² Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985-1993). М., 2005. Т. 1-2.

³ КК. Т. 1. С. 406, 424; Т. 3. Ч. 1. С. 794.

⁴ КК. Т. 1. С. 290, 301.

⁵ КК. Т. 1. С. 418; Т. 3. Ч. 2. С. 234.

нистров»¹. Дополнять систему разделения законодательной и исполнительной власти должна была независимая судебная власть во главе с Конституционным судом, наделенным (утраченными ныне) «широкими полномочиями конституционного контроля за деятельностью законодательной и исполнительной власти»² или, согласно другой позиции, Верховным Судом по «американской модели»³, а также местное самоуправление, которое, как считали разработчики, подобно дореволюционным земствам, «должно быть отделено от государственного управления на местах» и максимально независимо от его органов в пределах своей компетенции⁴.

Предполагалось установить дуалистическую форму правления: «основную ответственность за текущие вопросы государственного управления несет правительство, которое отчитывается как перед президентом, так и перед парламентом, которое может быть смещено по инициативе как президента, так и парламента, но по решению только парламента. Иначе говоря, правительство формируется и смещается на базе парламентского большинства». Результатом обсуждения двух моделей стала формула о принятии своеобразной смешанной формы правления — «полупрезидентской республики», которая рассматривалась разработчиками как компромисс между двумя чистыми формами правления (парламентской и президентской) или даже «типами мышления»⁵.

На деле представленная формула власти имела выраженные оригинальные черты: в отличие от французской модели президент не получал права роспуска парламента, а последний не мог отправить правительство в отставку (недоверие он мог выразить лишь отдельным министрам, включая главу правительства). Это позволило разработчикам утверждать, что предложенная конструкция — всего на три четверти президентская республика⁶. Президентская сторона, напротив, отказывалась принять данную модель именно из-за слабости полномочий президента: «Здесь, — говорили ее

КК. Т. 1. С. 283.

² Юнкительная записка к проекту Конституции РФ от 16 сентября 1991 г. // КК. Т. 2. С. 334.

³ КК. Т. 2. С. 1002.

⁴ КК. Т. 1. С. 155-156, 284; Т. 3. Ч. 3. С. 335.

⁵ КК. Т. 1. С. 287; Т. 3. Ч. 1. С. 719, 721.

⁶ КК. Т. 3. Ч. 1. С. 720.

представители, — введена модель слабой парламентской республи- ки, когда правительство будет формироваться Верховным Советом, и главным лицом в системе исполнительной власти будет премьер- министр, а не Президент», что никак не отвечает «той ситуации, в которой находится Российское государство и российское обще- ство»¹. Не удалось договориться, следовательно, даже об опреде- лении формы правления, не говоря о ее институциональном выра- жении.

Конфликт концепций политической реформы и механизма политического режима

В условиях столкновения двух концепций политической ре- формы — Съезда и Президента проект Конституционной комиссии вызвал острую критику либеральных оппонентов. Они отмечали со- хранение в нем «советских» конституционных традиций² — стрем- ление сконструировать «основной закон общества», а не государ- ства; соединение воедино прав и обязанностей; приоритет к соци- альным правам в ущерб личным; неэффективность модели разде- ления власти, вводившей схематизм (единый федеративный дого- вор) в области национально-государственного устройства без учета специфики регионов (которая скорее может быть реализована в конституировании политических системы лишающей главу госу- дарства необходимых функций координатора и арбитра; против- речивость концепции судебной власти, в основу которой была по- ложена ее разделенная структура, а не «создание целостной су- дебно-правовой системы, возглавляемой единым Верховным су- дом» (по образцу США)². И в целом констатировали, что «пре- ставленный документ не может быть основой российской Консти- тации»³.

Выдвинутая модель разделения властей, была признана эк- пертами противоречивой: «предусмотрена парламентская отвe- ственность правительства, но отсутствует уравнивающая ее

¹ Там же. С. 805-806.

² КК. Т. 3. Ч. 3. С. 697-698.

³ Там же. С. 853.

право правительства или хотя бы только президента распустить парламент», в чем «коренится опасность кризисов, которые нельзя будет разрешать конституционным путем»¹. Иностранцы наблю- датели констатировали ее эклектичность: во-первых, заимствован- ный характер многих положений проекта Конституции — использо- вание «отдельных элементов моделей Австрии, Австралии, Кана- ды, ФРГ, Франции, Индии, Ирландии, Италии, Японии, Швейцарии и США»²; во-вторых, неопределенность конструируемой политиче- ской системы (заимствующей элементы парламентской, президент- ской и смешанной систем, но не тождественной ни одной из них); в- третьих, отсутствие четкого механизма в такой жизненно важной области как отношения Президента, Кабинета и Парламента³. Они признали данную модель неработоспособной в силу слабости пол- номочий главы правительства⁴ или президента⁵. В целом, отмеча- лась перегруженность проекта риторикой, его «многословие» и «за- тннутость»⁶.

До самой развязки конституционного кризиса в 1993 г. остава- лись не решены вопросы желательного типа Конституции и спосо- бов ее принятия. Следует ли вообще разрабатывать новую Консти- тацию или ограничиться поправками к старой, должна ли новая конституция быть постоянной или временной, сделанной исключи- тельно на переходный период, или, возможно, следует принять «малую конституцию» (утвердить основные принципы), а все спор- ные вопросы отложить на будущее? Что делать с переходными по- ложениями — включить их в Конституцию или принять отдельным законом?⁷ Другой круг острых вопросов был связан с тем, каким об- разом должна быть принята новая Конституция: следует ли созы- вать Конституанту — Учредительное собрание, которое одни счита- ли «единственно возможным способом законодательного, разумно- го решения вопроса»⁸, или утвердить Конституцию на Съезде,

¹ Там же. С. 874.

² КК. Т. 2. С. 1086.

³ КК. Т. 2. С. 1082.

⁴ 1016.

⁵ Стенограмма российско-французского семинара от 23 марта 1992 г. // КК. Т. 3. Ч. 3.

⁶ КК. Т. 3. Ч. 3. С. 1058.

⁷ КК. Т. 2. С. 1065; Т. 3. Ч. 3. С. 1040.

⁸ КК. Т. 1. С. 99-100, 190, 233; Т. 3. Ч. 1. С. 132, 135, 863.

⁹ КК. Т. 3. Ч. 3. С. 856.

предоставить это особой Конституционной ассамблее, представляющей субъекты Федерации или ее граждан; принять Конституцию путем ратификации ее отдельными субъектами Федерации или вынести ее на всенародный референдум¹. Эти вопросы активно обсуждались в рамках альтернативного Комиссии центра конституирующей власти – Конституционного совещания. Но когда в условиях острого кризиса президент столкнулся с проблемой, из предложенных экспертами 53 возможных вариантов решения он, руководствуясь интуицией, выбрал один из самых маловероятных, – ибо «президент Б.Н.Ельцин не был склонен к рациональным решениям»².

Стремление ограничить полномочия президента, в частности его право роспуска парламента и возможности «определять основные внутренней и внешней политики», равно как институт импичмента президенту отражало угрозу возможного «превращения его в монарха»³. В условиях конституционного конфликта и оппонентов президента Ельцина существовали опасения в разрушении баланса властей и авторитарной трансформации режима в направлении «конституционной монархии» или даже «абсолютной монархии»⁴. Возможности возникновения у нас диктатуры», «попыток заполучить полномочия суперпрезидента», вообще – наделения его «необъятными» полномочиями и «установления режима личной власти»⁴. Частью этой проблемы стал вопрос о количестве сроков на которое одно лицо может быть избрано президентом (именно тогда была предложена актуализировавшаяся ныне формула – об избрании на два срока со словом «подряд»), а также продолжительности президентского мандата (предлагались различные варианты – от 4 до 7 лет для одного срока полномочий)⁵. Эти дискуссии выливаются лишенными смысла в контексте последующей тенденции к доминированию президентской власти, определяемой ныне понятием персоналистского режима⁶.

¹КК. Т. 1. С. 102-103, 110, 125, 209; Т. 2. С. 893-894; Т. 3. Ч. 1. С. 259, 681-688, 801, 855.

² Батулин Ю. Конституционные этюды. М., 2008. С. 86.

³ КК. Т. 1. С. 229; Т. 3. Ч. 3. С. 882-883.

⁴ КК. Т. 1. С. 296, 302-303, 400, 408.

⁵ Там же. С. 183-184.

⁶ Краснов М.А., Шаблинский И.Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М., 2008.

Исторические корни реставрационных тенденций в современном российском конституционализме

Циклическая динамика конституционного развития делает возможными ситуации, когда определенные, ранее отвергнутые разработчиками, стратегии конституционных преобразований, вновь обретают социальную поддержку и становятся источником конституционных поправок. Конституция РФ 1993 г., представляла своеобразную «шоковую терапию» в политике, результаты которой, как и в экономике, оказались непрочны¹. Основным противоречием российской Конституции стал конфликт между широкой трактовкой прав и свобод человека и чрезвычайно авторитарной конструкцией политической системы, способствовавшей концентрации властных полномочий в одном центре – институте президента. Это противоречие, связанное исторически с трудностями переходного периода, ограничивает полноценную реализацию демократии и фундаментальных прав человека, а также соответствующих конституционных принципов – от правового государства и рыночной экономики до разделения властей и местного самоуправления.

Данный генезис конституционных принципов открывает путь к завершающей фазе постсоветского конституционного цикла – реставрационным тенденциям, апеллирующим к доконституционному (советскому) прошлому со всей его системой идей и представлений. Программа конституционной ревизии, выдвинутая современной консервативной политической романтикой, включает именно те элементы, которые обсуждались, но были тогда отвергнуты разработчиками Конституции: необходимость государственной идеологии, приоритет социальных обязательств перед нормами свободной экономики, критический пересмотр всей системы прав личности (ограничение свободы совести, возвращение цензуры, восстановление смертной казни); ограничение федерализма и переход к фактически единому (если не юридическому) унитаризму в форме мононационального государства с единой властной вертикалью; преодоление принципа разделения властей в рамках возрождения государ-

¹ Нусберггер А. Конституционная шоковая терапия в России // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19). С. 64-77.

ственности имперского (иногда квази-советского) типа, в целом — отказ от либеральных ценностей и институтов, заимствованных в 1990-е гг., которые якобы отторгаются российской почвой¹. Отвергая этот фатальный взгляд, либеральные разработчики Конституции видят причину сбоев ее нормы в низком правосознании населения и власти, «нереализованном потенциале» конституционных норм, но также далеки от оптимизма в отношении перспектив правого государства². Общим результатом постсоветской трансформации признается «дефектная демократия на грани авторитаризма», формирование которой означает, что «период неустойчивости еще далек от завершения»³.

Таким образом, анализ истории формирования конституционных принципов 1993 г. раскрывает мотивы конструирования правовых норм, генезис альтернативных стратегий преобразований и причины их циклического воспроизводства. Современная Россия далека от полноценной реализации основных либеральных принципов Конституции 1993 г., но должна следовать им, если не хочет реставрации авторитаризма.

¹ Медушевский А.Н. К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // Российская история. 2012. № 1. С. 3-16.

² Стенограмма конференции представителей научной общественности // Конституционный вестник. 2010. № 2. С. 163.

³ Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М., 2012. С. 806.

ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ: ЛИБЕРАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ²

1. Российская модернизация в философско-культурологическом измерении

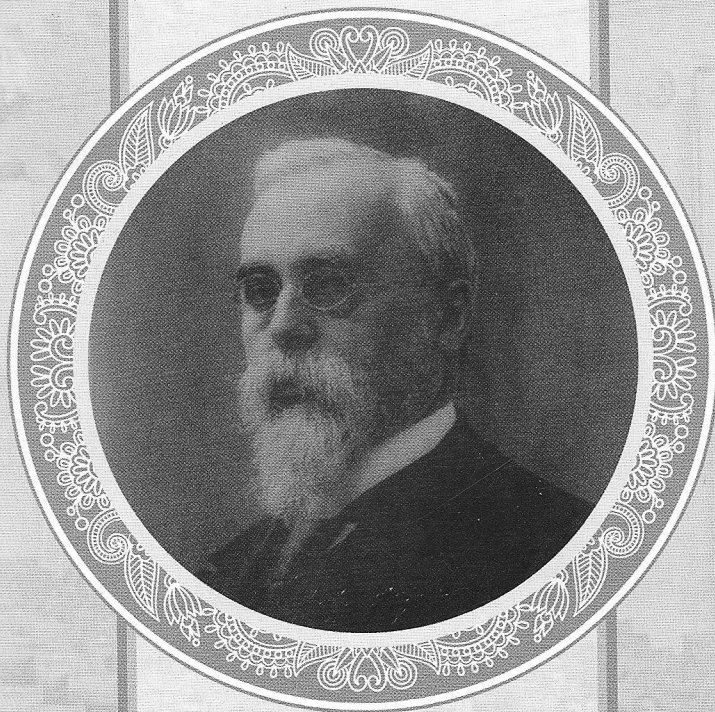
1. Понятие «модернизация» в политико-философском дискурсе.

Политическое руководство России предложило проект модернизации, кратко выражаемый формулой «инновации, институты, инвестиции, инфраструктура». Насколько продуктивно обсуждать проблему развития политической системы современной России, исходя из объема и содержания понятия «модернизация» в ее технико-технологическом и социально-экономическом измерении? Неужели именно данные аспекты в толковании власти выходят на первый план в общей проблеме геополитической конкуренции и сохранения России как субъекта исторического развития. Какие значения понятия «модернизация» могут быть актуализированы в современном российском культурно-политическом контексте?

Справедливо говорить, что XX в., присвоивший себе эксклюзивное право «быть современным», породил череду понятий, требующих контекстуальной привязки — сложной дискурсивной работы. К таким понятиям относится «модерн», «модернизм», «постмодерн», «постмодернизм». В этой семiosфере «вращается» и понятие «модернизация», понимаемое как процесс, обусловивший переход до-модерных обществ в общества современного типа. Небезынтересно отметить, что XX в. для гуманитарного знания в целом оказался веком превращения авторских метафор в научные понятия. Эта ситуация определялась большим количеством возникающих технологических новаций, информационным взрывом, сложностью и скоростью протекавших социокультурных процессов. Так, например, в эпоху активной индустриализации, в 30-е гг. XX в., американский историк и философ техники Л. Мэмфорд ввел в обиход понятие «мегаполис». Рассматривая проблему развития техники в судьбе современной цивилизации, Л. Мэмфорд с помощью данного понятия

¹ Жукова Ольга Анатольевна — доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор Московского педагогического государственного университета.

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №11-03-00492а, «Цивилизационные особенности России и специфика ее модернизаций».

**Четвертые
«Муромцевские чтения»**

**ВРЕМЯ ВЫБРАЛО НАС:
ПУТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА
В ПОЛИТИКУ**

Орел 2012